

БИОГРАФИКА

Литературный факт. 2025. № 3 (37)
Literaturnyi fakt [Literary Fact], no. 3 (37), 2025

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no.3 (37), 2025

Научная статья
с публикацией архивных материалов
УДК 821.161.1.0
<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-37-75-92>
<https://elibrary.ru/ERCSOC>

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Утаённый диалог Маяковского и Маринетти

© 2025, В.Н. Терехина

Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия

Работа выполнена в Институте мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук при финансовой поддержке в форме субсидии Министерства науки и высшего образования РФ, проект «Русская и европейская классика в XXI веке: подготовка цифровых научных комментированных изданий» (соглашение 075-15-2024-549 от 23 апреля 2024 г.).

Аннотация: Статья посвящена контактам и взаимным оценкам лидеров русского и итальянского футуризма — Маяковского и Маринетти. Если ранний период (так называемый, исторический авангард) глубоко исследован, то взаимосвязи двух футуристов в 1920-е гг. недостаточно документированы. Выделяются два важных документа: большое интервью, данное Маяковским специальному корреспонденту римской газеты «Мессаджеро» в Москве Энрико Кавакьоли (март 1924 г.), ставшее известным в русском переводе только в 2008 г., и впервые публикуемое в нашем переводе с французского «Письмо неустановленного лица к Маринетти с запросом о политических и литературных позициях итальянских футуристов». Этот архивный документ атрибутировал и напечатал в оригинале (1979) профессор Ч. Де Микеллис как перечень вопросов Маяковского к Маринетти, подготовленный для их встречи в Париже в июне 1925 г. В ходе беседы Маринетти оставил в записной книжке Маяковского два приветственных обращения к русскому народу. Однако содержание их разговора оставалось неизвестным, анонсированная в октябре 1925 г. информация о встрече не появилась. Публикуемый нами архивный документ позволяет восстановить ход беседы и характер творческого диалога Маяковского и Маринетти. Приводятся доказательства аутентичности вопросов Маяковского, их связи с его «Письмом о футуризме», адресованном Л.Д. Троцкому 1 сентября 1922 г., и аналогичным письмом итальянского марксиста Антонио Грамши от 8 сентября 1922 г. (вошло в книгу Троцкого «Литература и революция». М., 1923). В заключение показана роль политических обстоятельств в интерпретации социокультурных и биографических аспектов данной темы.

Ключевые слова: Маяковский, Маринетти, футуризм, Э. Каваккьоли, Н. Асеев, А. Грамши, Л. Троцкий.

Информация об авторе: Вера Николаевна Терехина — доктор филологических наук, главный научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8708-9914>

E-mail: veter_47@mail.ru

Для цитирования: Терехина В.Н. Утаённый диалог Маяковского и Маринетти // Литературный факт. 2025. № 3 (37). С. 75–92. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-37-75-92>

Сто лет назад, в июне 1925 г. в Париже состоялась встреча двух лидеров футуристического движения Ф.-Т. Маринетти и В.В. Маяковского. Была ли она спонтанной или подготовленной заранее, о чем шла беседа, какие вопросы интересовали их и, наконец, почему их диалог остался неизвестным? Рассмотрение послереволюционных контактов итальянского и русского футуризма и публикация перевода вопросов Маяковского к Маринетти составляет содержание данной статьи.

Известно, что до встречи в Париже Маяковский и Маринетти виделись лишь однажды на последней лекции итальянского поэта в Москве — 13 февраля 1914 г., в Обществе свободной эстетики. Маяковский не только присутствовал, но и выступал в дискуссии, добиваясь разрешения говорить по-русски. Одетый в ярко-розовый смокинг, привезенный из крымского турне русских футуристов, Маяковский внешне контрастировал с выглядевшим официально итальянцем. Он заявил: «Я рад бы протянуть руку такому человеку, как Маринетти, потому что в Италии он был оплеван и освистан за искусство, так же как мы в России. Но у нас привыкли преклоняться перед иностранными мастерами и травить свое, талантливое и даровитое» (цит. по: [2, т. 1, кн. 2, с. 145]). Маяковский полемически утверждал независимость русского футуризма от западного, следуя за В. Хлебниковым и Б. Лившицем, которые выпустили листовку против «кружев холопства на баранах гостеприимства», против тех, кто «припадает к ногам Маринетти» и «склоняет благородную выю Азии под ярмо Европы» (цит. по: [2, т. 1, кн. 2, с. 133]). Так складывалась традиция противопоставления итальянского футуризма с русским как независимым, автохтонным по сути явлением. «Самобытный русский футуризм либо изучался отдельно, либо рассматривался как одна из глав истории «мирового» футуризма, — констатирует исследователь. — Если фигуры двух лидеров — Маринетти и Маяковского — еще могли быть написаны в один ряд, то специального научного сопоставления итальянского и русского

движения фактически не предпринималось» [3, с. 3]. Прошедшие в последнее десятилетие художественные выставки дали немало поводов для более внимательного исследования точек контакта и совпадений разных творческих позиций. Так, в каталоге выставки «Футуризм — радикальная революция. Россия — Италия» (ГМИИ, 2008) воспроизведены основные программные документы итальянского и русского футуризма с целью их свободного сопоставления на фоне насыщенного изобразительного ряда.

Убеждение Маринетти, что «все футуризмы мира являются детьми итальянского футуризма» [11, с. 8], нашло своеобразное подтверждение в статье А. Парниса, напоминающего, что название манифеста «Пощечина общественному вкусу» восходит к словам Маринетти *lo schiaffo, le soufflet* (пощечина, оплеуха). Другой манифест «О беспроволочном воображении и словах на свободе» стал основой работы Б. Лившица «Освобождение слова», сближается с программой сборника «Садок судей-2» [11, с. 178]. Клаудиа Саларис в каталоге выставки «Итальянский футуризм — русский кубофутуризм» (ГРМ, 2021) обращает внимание на альманах «Дохлая луна» (1914), заглавие которого было, по ее наблюдениям, вдохновлено манифестом Маринетти «Убьем лунный свет!» (1909). Со ссылкой на книгу Чезаре Де Микелиса «*L'avanguardia trasversale. Il futurismo tra Italia e Russia*» (Venezia, 2009. Р. 22) профессор Саларис пишет, что группа «Мезонин поэзии», основанная в 1913 г. В. Шершеневичем, «получила имя от ставшего легендарным и в России миланского дома Маринетти, где в его полуэтажной квартире располагалась редакция международного журнала “Poesia” (“Поэзия”)» [7, с. 25, 31]. Но несмотря на эти и другие примеры соответствий двух футуризмов Маринетти считал русских футуристов пассивными, «первобытниками», не сумевшими разорвать связь с искусством прошлого.

О его трехнедельном пребывании в Санкт-Петербурге и Москве в январе-феврале 1914 г. осталось немало документов и воспоминаний, а также обстоятельных исследований¹. Вместе с тем, более поздним контактам итальянских и русских футуристов, их послереволюционным взаимным оценкам почти не уделялось внимания, акцентировалась их идеологическая и эстетическая противоположность.

Однако, как отмечал В.Ф. Марков в «Истории русского футуризма» (1968), интерес к Маринетти после революции существовал до конца 1920-х гг. В журнале «Современный Запад» были опубликованы манифесты Маринетти «Тактилизм», «Манифест о театре», «Манифест

¹ См.: [1; 2; 4].

о музыке», «Новая религия-мораль скорости»². Ипполит Соколов, провозглашая в 1919 г. русский экспрессионизм, среди его предтеч называл «чистокровных маринеттистов» Маяковского, В. Шершеневича, К. Большакова и С. Третьякова. В книге Н. Горлова «Футуризм и революция. Поэзия футуристов» (1924) рассматривалось творчество Маринетти и Маяковского как сходные поэтические явления [4, с. 142]. Однако все более тесные связи Маринетти с итальянским фашизмом выводили разговор о родстве двух футуризов в сферу политики, что препятствовало объективному исследованию темы³.

Маринетти интересовался жизнью искусства в послереволюционной России и приветствовал русских футуристов как союзников. В изданной в Милане в 1920 г. книге «По ту сторону коммунизма» он сочувственно писал об активном воздействии футуристических произведений на процесс обновления жизни в Советской России. Выход в рабочие коллективы, Революция духа, агитплакаты РОСТА, — всё это, по-видимому, привлекало внимание Маринетти. Клаудиа Соларис в упоминавшемся каталоге выставки, проходившей в Русском музее, пишет, что Маринетти требовал от итальянского правительства: «Власть — художникам! Пусть правит обширный пролетариат гениев. Самый ущемленный, самый достойный из пролетариатов». Тогда же после демонстративного ухода со II Фашистского конгресса Маринетти, отвечая своим итальянским критикам, иронизировал: «В России меня принимали как победителя или как великого пред-Ленина <...>. Ах! Если бы моя фамилия была Маринеттофф, вы бы давно преклонили колени перед нашим творчеством и пророческим гением» [7, с. 30].

С установлением фашизма в Италии в 1922 г. стали появляться сообщения о сотрудничестве Маринетти со сторонниками Муссолини. Однако Маринетти продолжал с интересом следить за событиями культурной жизни в Советской России, считая русский авангард частью своей «империи». В манифесте «Мировой футуризм» (1924) среди главных героев международного авангарда он перечислил имена Маяковского, С. Есенина, А. Родченко, К. Малевича, В. Татлина, Б. Пастернака, А. Крученых, Н. Альтмана, Л. Лисицкого, В. Кандинского и многих других [7, с. 30].

² См.: Современный Запад. 1922. № 1; 1923. № 3.

³ Ср.: «Как пишет историк Франческо Перфетти, “долгое время исследования футуризма тормозились из-за необходимости упоминать о его связи с фашистским режимом. Это ограничение не способствовало ни знанию, ни пониманию футуристического искусства”. Между тем усилиями историков футуризма, а также благодаря публикациям о фашизме Ренцо Де Феличе к 1980-м годам итальянский футуризм был морально реабилитирован» [3, с. 3].

Два события в истории футуризма и русско-итальянских литературных связей 1920-х гг. находятся в центре нашего внимания — это встреча Маяковского с Маринетти в Париже и предшествовавшее ей интервью Маяковского корреспонденту газеты «Мессаджери» в Москве Энрико Каваккьоли. В эмигрантских газетах активно обсуждалась тема «коммунизм, футуризм и фашизм». Изучая критику русского зарубежья, Л.А. Селезнев пополнил библиографию ранее не учтенными статьями и заметками такого рода. Были найдены высказывания Маринетти о Маяковском как о «футуристе чистой воды» в 1914 г., но также о современном «обмещанивании красного футуризма»⁴. Общую для итальянских и русских футуристов устремленность к политическому радикализму отметил известный в те годы критик Евгений Аничков. В статье «Фашисты и футуризм» (Русское дело. Белград, 1922, 17 ноября) он охарактеризовал Маяковского как футуриста-интернационалиста и Маринетти как футуриста-националиста, идеолога итальянского фашизма. В этом ряду оказался фельетон Михаила Первухина «Пьяные гамадрилы» (Русская газета. Париж, 1924, 26 апреля 1924), в котором излагалось неизвестное интервью Маяковского специальному корреспонденту римской газеты «Мессаджери» в Москве Энрико Каваккьоли, о котором пойдет речь. (Текст был разыскан и подготовлен для совместной публикации Селезневым и Дж. Спендель [8, с. 586].)

Энрико Каваккьоли, писатель-футурист, соратник Маринетти с 1906 г., со времени сотрудничества в миланском журнале «Поэзия». В марте 1924 г., будучи корреспондентом газеты «Мессаджери» в Москве, он встретился с поэтом и напечатал интервью под заглавием «Веселые опусы Маяковского (От нашего специального корреспондента)»⁵. «Литературный обед» состоялся в квартире Гринбергов в Водопьяном переулке, где Маяковский и О.М. и Л.Ю. Брики занимали четыре комнаты в порядке «уплотнения». С этим домом связан сюжет поэмы Маяковского «Про это» (1923). Здесь проходили заседания литературной группы «Леф» («Левый фронт искусств») и редколлегии одноименного журнала, главным редактором которого был Маяковский. «Интервью за едой, — удивился корреспондент. — Хлеб и литература. Вино цинандали <...> и слова на свободе» [8, с. 587]⁶.

⁴ Либавский Г. Футуризм и коммунизм. (Беседа с Маринетти — отцом футуризма) // Время. Берлин, 1922. 11 сентября (цит.по: [8, с. 586]).

⁵ L'allegria letteratura d'poeta Mayakowski (Dal nostro inviato speciale) // Il Messaggero. Roma. 1924. 5 apr.

⁶ «Слова на свободе» (parole in liberta) — программный тезис Маринетти об отрыве формы слов от грамматических и синтаксических правил.

Каваккьоли отметил, что в комнате огромное количество книг: «Валяются кучами на полу. Стоят на стеллажах, некоторые — вверх ногами. Лежат в старых холщовых мешках, словно картошка. Как та благословенная картошка, которую в голодное время жители русских городов тащили на себе, купив за бешеные деньги в дальних деревнях» [8, с. 588]. Разговор шел о рекламных плакатах и недавней книжке политических памфлетов «Маяковская галерея»:

Из одного мешка, знаменитого мешка «литературной картошки», он достал книгу и предложил ее мне.

— Последняя. Не была допущена к продаже, так как начальство государственных книжных магазинов нашло, что она слишком революционная. У меня есть целый запас для друзей.

— А что это?

— Политические карикатуры [8, с. 590].

Сопровождавшая журналиста Ирина Ясная с листа переводила заинтересовавшую его книгу с подзаголовком «Те, кого я никогда не видел»⁷. Слушая стихи о Пуанкаре, Каваккьоли отметил «вульгарную смесь банальностей» и явное смущение Маяковского характером его сатирических образов. Резкое неприятие итальянского журналиста вызвал текст и рисунок, карикатурно изображавший Муссолини со свастикой на лице: «До какого бесстыдства, до какой безвкусицы можно прийти, занимаясь политическими аберрациями!» — восклицал он, пересказывая содержание памфлета.

Касаясь Маринетти, Маяковский, по словам корреспондента, сказал:

— Если Маринетти не фашист, я выпью за его здоровье.

— К моему сожалению, фашист.

— Мы хотели видеть его в России, но обойдемся и без него. В некотором роде он был нам названным отцом. У него замечательные программы. Гениальные. А стихи ужасные. Просто читать невозможно [8, с. 589].

Следующий пассаж отразил заинтересованность Маяковского в обмене информацией с итальянскими футуристами, прежде всего, с Маринетти:

⁷ Маяковская галерея: (Те, кого я никогда не видел). Пуанкаре, Муссолини, Керзон, Пилсудский, Стинес, Гомперс, Вандервельде. М.: Красная новь, [дек.] 1923. 63 с. Рисованная обл. и ил. Маяковского.

Мы слышали, что Маринетти, выступая перед рабочими Неаполя, разговаривал с ними по-человечески, и это позволяет простить его реакционные взгляды. Скажите ему, чтобы он написал нам, правда ли это. Россия — страна рабочих и крестьян. А я, в свою очередь, напечатаю открытое письмо к Маринетти в ближайшем номере своего журнала. Если удастся установить контакт — хорошо, а нет — так нет [8, с. 589].

Несомненно, Маринетти читал интервью с Маяковским, знал по переводам произведения русского поэта, стремился встретиться с ним. Маяковский со своей стороны, как видно из интервью, желал установить контакт с лидером итальянского футуризма. Возможно, посредником в этих переговорах мог оказаться Каваккьоли. Случай представился при открытии в Париже Международной выставки декоративного искусства. Маяковский входил в советский выставочный комитет, участвовал в экспозиции по разделу «Искусство улицы». Рекламные плакаты, сделанные им вместе с А. Родченко, были отмечены большой серебряной медалью.

25 мая 1925 г. Маяковский вылетел из Москвы в Кенигсберг, затем поездом через Берлин приехал в Париж. В первой половине июня 1925 г. Маяковский встретился с Маринетти⁸. Переводчицей на этой встрече была писательница Эльза Триоле, сестра Лили Брик. В записной книжке Маяковского Маринетти оставил две приветственные записи по-французски. Содержание беседы оставалось неизвестным. Эльза Триоле в своих позднейших воспоминаниях сообщила немного:

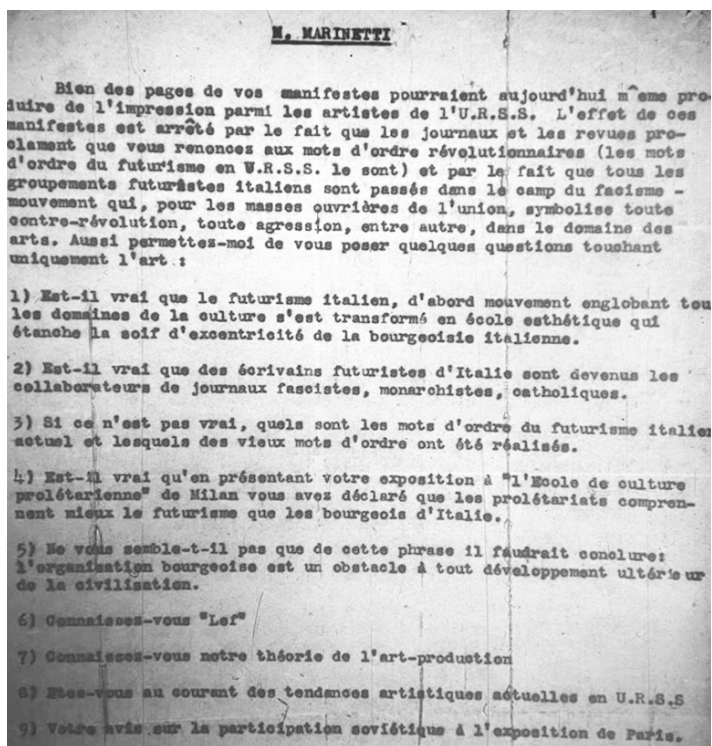
Было это в ресторане Вуазен. Досадно, что мне изменяет память и что я не могу восстановить разговора (шедшего, естественно, через меня) между русским футуристом и футуристом итальянским, между большевиком и фашистом. Помню только попытки Маринетти доказать Маяковскому, что для Италии фашизм является тем же, чем для России коммунизм...⁹

Краткие и неизбежно политизированные воспоминания Триоле, действительно, не помогают восстановить содержание этой беседы.

⁸ Можно попробовать сузить промежуток вероятной даты встречи: 4-го июня был открыт советский павильон Выставки декоративного искусства, впечатлениям от которого посвящен один из вопросов, а 10-го июня Маяковского обокрали и до отъезда в Америку 20-го июня он был занят поиском денег на поездку. См.: Катанян В. Маяковский. Хроника жизни и деятельности / под ред. А.Е. Парниса. 5-е изд. М.: Сов. писатель, 1985. С. 300–302.

⁹ Там же. С. 301.

Некоторую ясность внесла публикация интервью с Кавакьоли, о чем я говорила на международной научной конференции в Италии. Присутствовавший на ней профессор Чезаре Де Микелис указал мне на сохранившийся в РГАЛИ листок с вопросами Маяковского к Маринетти. Действительно, в фонде Маяковского существует документ, занесенный в опись 5 марта 1953 г. под названием: «Письмо неустановленного лица к Маринетти с запросом о политических и литературных позициях итальянских футуристов на французском языке [1923 г.]»¹⁰.

*Письмо неустановленного лица к Маринетти Филиппо Томазо с запросом
 о политических и литературных позициях итальянских футуристов (РГАЛИ)
 An Unidentified Person's Letter to Filippo Tomaso Marinetti, Inquiring About
 the Political and Literary Positions of the Italian Futurists (RGALI)*

¹⁰ РГАЛИ. Ф. 336. Оп. 5. Ед. хр. 205. Опубликовано по-французски: Majakovskij V. Est-il vrai que le futurisme italien... / Cesare G. De Michelis // Nuova Rivista Europea. 1979. V. III, № 9. P. 47–48. Благодарю проф. Де Микелиса за указание на этот документ.

Анонимный машинописный листок с пронумерованными вопросами на французском языке был атрибутирован проф. Де Микелисом как перечень вопросов Маяковского к Маринетти и опубликован в оригинале. Однако указанная машинописная копия оставалась не востребовавшей в архиве и неизвестной маяковедом. Теперь мы знаем, что встреча не была спонтанной: Маяковский готовился к разговору с Маринетти и, вероятно, еще в Москве составил перечень вопросов к обсуждению (французский текст содержит неточности).

В небольшом вступлении говорилось о том, что на художников СССР производят впечатление манифесты итальянских футуристов, однако есть расхождения между пришедшими в революцию русскими футуристами и группами итальянскими, перешедшими в лагерь фашизма, движения, которое признается в советском обществе контрреволюционным, агрессивным. Далее следовали девять вопросов, среди них четыре были посвящены знакомству с итальянскими реалиями, в частности, в четвертом Маяковский спрашивал Маринетти: «Верно ли, что, представляя вашу выставку в “Школе пролетарской культуры” в Милане (Турине. — *В.Т.*), вы заявили, что пролетарии лучше понимают футуризм, чем буржуа Италии?». Здесь мы находим пересказ эпизода из письма Антонио Грамши Л.Д. Троцкому об итальянском футуризме: «Туринская секция пролеткульта пригласила Маринетти на выставку футуристической живописи, чтобы на открытии объяснить рабочим, членам организации, ее значение. Маринетти очень охотно принял приглашение и после посещения выставки вместе с рабочими высказал свое удовольствие, что ему удалось убедиться в том, что рабочие гораздо лучше разбираются в вопросах футуристического искусства, нежели буржуазия» [10, с. 127–129].

Текст Грамши датируется 8 сентября 1922 г., а 1-го сентября 1922 г. Маяковский направил Троцкому по его просьбе так называемое «Письмо о футуризме»¹¹. Несомненно, вопрос, обращенный к Маринетти, оказывается тесно связанным с работой Троцкого над статьей, а затем главой «Футуризм» в книге «Литература и революция» (письмо Грамши публиковалось в ней как приложение). Это обстоятельство является определяющим как в атрибуции публикуемых вопросов, так и в понимании их актуальности для Маяковского, поскольку второе издание книги Троцкого вышло в 1924 г., накануне встречи с Маринетти. С письмом Грамши связан и вопрос Маяковского, верно ли, что итальянские писатели-футуристы сотрудни-

¹¹ См.: [5, т. 13, с. 56–58]. Публиковалось без указания адресата.

чают в журналах фашистов, монархистов, католиков. Итальянский марксист, отвечая Троцкому, указал, что футуристической группы Маринетти больше не существует и перечислил участников послевоенного футуристического движения: монархисты, коммунисты, республиканцы, фашисты. «Молодая интеллигенция, — по словам Грамши, — стала почти сплошь реакционной» [10, с. 129].

Затем шли вопросы о том, знает ли Маринетти журнал «Леф», идеи производственного искусства? Каково его мнение о советском участии в выставке декоративного искусства в Париже и актуальных художественных тенденциях в СССР? В письме к Лиле Брик 9–10 июня он со свойственной ему иронией сообщал, очевидно подразумевая итальянского поэта: «Выставка осточертела, в особенности разговоры вокруг нее. Каждый хочет выставить свой шедевр показистей и напрягает все свое знание французского языка, чтоб сказать о себе пару теплых слов» [5, т. 13, с. 74].

Политические вопросы в списке, как можно заметить, не являются самоцелью, они связаны с деятельностью итальянских футуристов, что специально оговорено: «позвольте мне задать вам несколько вопросов, относящихся только к искусству». Вероятно, этим обстоятельством объясняется общий позитивный пафос памятных обращений, сделанных во время этой беседы по-французски в записной книжке Маяковского: «A mon cher Maiakovsky et la grande Russie energique et optimiste tous mes souhaits futurists»¹²; «Au grand esprit novateur qui anime la Russie qu'il ne s'arrete pas! Notre ame futuriste italienne ne s'arretera pas!»¹³.

Исходя из содержания автографов Маринетти и общей тональности вопросов Маяковского можно сделать заключение об их взаимном интересе и творческом характере беседы. Таким образом, вряд ли вполне справедлив вывод о том, что парижская выставка в 1925 г. стала «поводом для противостояния итальянских футуристов и русского авангарда», а дискуссия Маяковского и Маринетти не удалась, потому что «идеологическая оппозиция фашизма и коммунизма завела разговор в тупик» [7, с. 30]. Упоминая о встрече Маяковского и Маринетти, Б. Янгфельдт высказал предположение, что «частичная потеря памяти у Эльзы и уклончивость Маяковского скорее всего свидетельствуют о том, что между поэтами было

¹² «Дорогому Маяковскому и великой России — энергичной и оптимистичной — мои футуристические пожелания. Ф.Т. Маринетти» (пер. с фр. Э. Триоле). ГММ Р-324, РД-297. № ГК 38548686. 1 л. 1 с.

¹³ «Великому новаторскому духу, который воодушевляет Россию: да не иссякнет он! Наша итальянская футуристическая душа не иссякнет! Ф.Т. Маринетти» (пер. с фр. Э. Триоле). ГММ Р-325, РД-298. № ГК 38548710. 1 л., 1 с.

больше общего, чем расхождений <...>. Но если встреча оказалась такой же дружеской, как эти пожелания, причин афишировать ее у Маяковского не было...» [12, с. 340–341].

Действительно, записи Маринетти с его обращением к русскому народу, были явно рассчитаны на публикацию. Вспомним фразу из интервью Маяковского: «Скажите ему, чтобы он написал нам <...>. Россия — страна рабочих и крестьян».

Но Маяковский не напечатал автографы, более того, обещание, данное Алексею Крученых рассказать об этой встрече читателям «Вечерней Москвы», осталось невыполненным, лишь 9 октября 1925 г. в газете сообщалось: «Проездом в Америку Маяковский пробыл некоторое время в Париже, где имел свидание с вождем итальянских футуристов Маринетти. Эта беседа будет опубликована»¹⁴. Но вернувшийся из Америки в декабре 1925 г. Маяковский был озабочен публикацией американских очерков и цикла новых стихотворений, вышедших вскоре отдельными книгами.

Можно предположить и другую причину того, что встреча в Париже не стала сюжетом очерка — это обострение политической ситуации вокруг итальянского фашизма, на фоне которого горячие слова Маринетти в адрес Новой России были неуместны. Позже Триоле настойчиво акцентировала идеи фашизма в разговоре итальянца. Вспомним, что для Маяковского олицетворением итальянского фашизма был генерал Бенито Муссолини, возглавивший правительство Италии в 1922 г. Тогда же выразительный шарж на него со свастикой на лице и стихотворный памфлет был включен в книгу «Маяковская галерея», жестко раскритикованную в упомянутом интервью Кавакьоли.

Напротив, Маринетти существует для Маяковского в несколько ином социокультурном и эстетическом контексте, где возможно «общее». На диспуте о футуризме в 1923 г. Маяковский говорил: «Между русским и итальянским футуризмом и существует общее и нет <...> Идеологически мы с итальянским футуризмом ничего общего не имеем. Общее есть лишь в формальной обработке материала» [5, т. 12, с. 261].

Изменилось и содержание понятия «футуризм»: это не прежнее название группы единомышленников, «стоящих на глыбе слова “мы”». Оно перестало обозначать приверженность конкретному методу и превратилось в символ левого, революционного искусства. Не утратив смысла движения к будущему, но «разодрав

¹⁴ Катанян В. Маяковский. Хроника жизни и деятельности / под ред. А.Е. Парниса. 5-е изд. М.: Сов. писатель, 1985. С. 559.

с поэтическим империализмом» Маринетти, «<...> Футуризм стал левым фронтом искусства»¹⁵. В литературно-критической полемике Маяковский защищал это слово как символ революционного обновления. Футуризм был для него обозначением того сообщества новаторов искусства, к которому он себя причислял: «Мы держимся за название футуризм потому, что это слово является для многих флагом, к которому они могут собраться» [5, т. 12, с. 261].

Для сравнения рассмотрим, каковы впечатления от встречи с итальянским футуристом Н.Н. Асеева, путешествовавшего по Италии двумя годами позже. Он сообщал Маяковскому в письме из Рима от 22 декабря 1927 г.:

Вчера виделся с Маринетти — был на постановке его новой пьесы «Океан Сердца» — «L'oceano del Cuore» (антреприза Маринетти) в театре Арджентина. Он неплохой малый и вовсе не фашист, как мы думали. Т. е., конечно, он патриотствует, но это для него такая же официальная поза, как галантность для Бурлюка. Вообще он в напористости и темпераменте схож с Додей¹⁶. Пьеса его плохая, постановка вроде Коршевской¹⁷, но вступительное слово было очень остроумным и смелым. Речь его сводилась к тому, что если ему предлагают выбирать между кладбищем и сумасшедшим домом, то он предпочитает сумасшедший дом. Он говорил еще, что футуризм во Франции и Германии выродился в художественное направление, ругал Кандинского и живописцев. Очень хочет как-нибудь связаться с советской Россией и молодой литературой. Я сказал ему, что это время скоро наступит, я верю, тогда, когда в его стране будет можно также критиковать все гнилое и отжившее, как в нашей. Говорили мы через переводчика, и он смотрел на меня с завистью и доброжелательством [6, с. 81].

Несомненно, в письме Асеева присутствует ироническая оценка спектакля, недостаточно интересного на фоне новаторских постановок московских театров. Но в шумной напористости Маринетти Асеев находит нечто общее с отцом русского футуризма Давидом Бурлюком, — нежелание быть лишь «художественным направле-

¹⁵ Об этом подробнее см. в статье «За что борется Леф?» (Леф. 1923, № 1). См.: [8, с. 41].

¹⁶ Додея — Давид Давидович Бурлюк (1882—1957), художник, поэт, издатель, «отец русского футуризма».

¹⁷ Театр Корша — русский драматический театр в Москве, основанный в 1882 г. Здесь — символ умеренности.

ныщем», интерес к «молодой литературе», критический настрой. И вопреки общей установке, Асеев заключает: он — не фашист.

Однако в книге «Разгримированная красавица» (1928), написанной по итальянским впечатлениям, Асеев иначе трактовал эту встречу:

Мы мельком знакомимся с Маринетти. Лицо его загорело; он мало изменился с 1914 года — того времени, когда я его видел в Москве. Странно смотреть на него, — тогда вызывавшего бурные восторги и столь же бурную ненависть аудитории, а теперь «работающего» под охраной карабинеров и в конце концов пришедшего к нашему коршевско-театральному способу эпатажа, никого уже особенно не задевающему, и ставшего официозным выразителем фашистского «возрождения» [6, с. 82].

Как видим, к 1928 году в публичном, книжном, тексте в отличие от частного письма Маринетти был назван «выразителем» фашизма. Контакты с ним стали компрометировать участников Левого фронта искусств в официальной среде и общественном мнении. О.М. Брик подчеркивал это обстоятельство в статье «Мы — футуристы», дистанцируясь от Маринетти:

Злобные к Лефу люди любят говорить:

— Что такое Леф? — футуристы; что такое футуристы? — Маринетти; что такое Маринетти? — итальянский фашист; — следовательно... Вывод ясен.

Все это чистейший вздор, так как русские футуристы возникли задолго до того, как Маринетти стал известен в России.

А когда в январе 1914 г. Маринетти приехал в Россию, русские футуристы встретили его весьма враждебно¹⁸.

Еще более определенно оппозиция двух направлений была выражена в статье В. Перцова «Маринетти — фашист и футурист»¹⁹. Сообщение о том, что Маринетти принял в 1929 г. звание академика по предложению Муссолини, окончательно скомпрометировало его как футуриста и связало с фашизмом несмотря на то, что он продолжал защищать права художников от государственного давления. За два года до смерти, вернувшийся раненым с русского фронта, Маринетти написал поэму о путешествии в 1914 г. Он вспоминал о Маяковском, который «мечтал одухотворить большевизм и покончил

¹⁸ Брик О.М. Мы — футуристы // Новый Леф. 1927. № 8–9. С. 50.

¹⁹ Перцов В. Маринетти — фашист и футурист // Красная новь. 1927. № 8. С. 214–225.

с собой, видя, как тот погружается в навязчивую идею социальной экономии и материализма» [7, с. 31]. Для Маяковского последним документом, связанным с Маринетти, остался публикуемый ниже план беседы и автографы Маринетти в записной книжке №32²⁰.

В.А. Арутчева обнаружила их в 1950-х гг. в архиве поэта и сделала предположение, что «в Париже, перед поездкой Маяковского в Америку, итальянский поэт-футурист Маринетти оставил две записи на французском языке <...>. Листки эти вырваны из книжки и хранятся в Библиотеке-музее В.В. Маяковского отдельно. Только недавно путем сопоставления выяснилась их принадлежность книжке № 32»²¹.

В ходе дальнейшего изучения записной книжки № 32, известной как «мексиканская», гипотеза Арутчевой получила подтверждение [9]. Публикуемый в переводе на русский язык архивный источник — вопросы Маяковского к Маринетти — позволяет составить представление о содержании беседы Маяковского и Маринетти в Париже, уточнить социокультурные и биографические обстоятельства получения автографов итальянского писателя. Политическая обстановка заставляла вопреки фактам формировать миф о давнем идеологическом и эстетическом противостоянии двух футуристов. Литературная критика играла важную роль в актуальной политической борьбе. Учитывая этот фактор, постоянно влияющий на изучение итальянского футуризма и русского кубофутуризма, необходимо полнее документировать их межкультурную диалогичность, выявлять объективно существующие точки соприкосновения авангардных экспериментов.

Оригинальный текст публикуется в авторской орфографии.

ПРИЛОЖЕНИЕ

[Mayakovsky's questions to Marinetti]

Bien des pages de vos manifestes pourraient aujourd'hui même produire de l'impression parmi les artistes de l'URSS. L'effet de ces manifestes est arrêté par le fait que les journaux et les revues proclament que vous renoncez aux mots d'ordre révolutionnaires (les mots d'ordre du futurisme en URSS le sont) et par le fait que tous les groupements futuristes italiens son passés dans le camp du fascisme — mouvement qui,

²⁰ См. выше.

²¹ Арутчева В.А. Записные книжки В.В. Маяковского // Литературное наследство. М.: АН СССР, 1958. Т. 65: Новое о Маяковском. С. 390.

pour les masses ouvrières de l'Union, symbolise toute contre-revolution, toute agression, entre autre, dans le domaine des arts.

Aussi permettez moi de vous poser quelques questions touchant uniquement l'art:

1) Est-il vrai que le futurisme italien, d'abord mouvement englobant tous les domaines de la culture s'est transformé en école esthétique qui étanche le soif d'excentricité de la bourgeoisie italienne.

2) Est-il vrai que des écrivains futuristes d'Italie sont devenus les collaborateurs des journeaux fascistes, monarchistes, catholiques.

3) Si ce n'est pas vrai, quels sont les mots d'ordre du futurisme italien actuel et lesquels des vieux mots d'ordre ont été réalisés.

4) Est-il vrai qu'en présentant votre exposition à «l'Ecole de culture prolétarienne» de Milan [Turin] vous avez déclaré que les prolétariats comprennent mieux le futurismo que les bourgeois d'Italie.

5) Ne vous semble-t-il pas que de cette phrase il faudrait conclure: l'organisation bourgeoise est un obstacle à tout développement ultérieur de la civilisation.

6) Connessez-vous «Lef».

7) Connessez-vous notre théorie de l'art-production.

8) Etes-vous au courant des tendances artistiques actuelles en URSS.

9) Votre avis sur la participation soviétique à l'exposition de Paris

[Вопросы Маяковского к Маринетти]

Перевод с французского

Многие страницы Ваших манифестов и сегодня могли бы произвести впечатление на художников СССР. Воздействие этих манифестов сдерживается тем, что газеты и журналы сообщают, что вы отказываетесь от революционных лозунгов (таковы лозунги футуризма в СССР), и тем, что все итальянские футуристические группировки перешли в лагерь фашизма, который для трудящихся масс Союза символизирует все контрреволюционное, все агрессивное, в том числе в области искусства. Поэтому позвольте мне задать вам несколько вопросов, относящихся только к искусству:

1. Верно ли, что итальянский футуризм, изначально охватывающий все области культуры, превратился в эстетическую школу, утоляющую жажду эксцентричности итальянской буржуазии?

2. Верно ли, что итальянские писатели-футуристы стали сотрудниками фашистских, монархистских, католических газет?

3. Если это не так, каковы лозунги современного итальянского футуризма и какие из старых лозунгов были реализованы?

4. Верно ли, что, представляя вашу выставку в «Школе пролетарской культуры» в Милане [Турине], вы заявили, что пролетарии лучше понимают футуризм, чем буржуа Италии?

5. Не кажется ли вам, что из этой фразы следует сделать вывод: буржуазное общество является препятствием для дальнейшего развития цивилизации?

6. Знаете ли вы о «Лефе»?

7. Знакомы ли вы с нашей теорией производственного искусства?

8. Знаете ли вы о современных художественных тенденциях в СССР?

9. Ваше мнение об участии советских представителей в выставке в Париже?

Литература

1. Бобринская Е. Футуризм. М.: Галарт, 1999. 192 с.

2. Крусанов А.В. Русский авангард 1907–1932: Исторический обзор: в 3 т. М.: НЛО, 2010. 1104 с.

3. Лазарева Е.А. Судьбы футуризма в Италии и России во 2-й половине 1910-х – 1930-е годы: автореф. дис. ... канд. искусствоведения. М., 2019. 36 с.

4. Марков В.Ф. История русского футуризма. СПб.: Алетейя, 2000. 414 с.

5. Маяковский В.В. Полн. собр. соч.: в 13 т. М.: Гослитиздат, 1955–1961.

6. Погорельская Е.И. «Вчера виделся с Маринетти...» // Наше наследие. 2015. № 114. С. 82–85.

7. Саларис К. Итальянский футуризм — русский авангард // Итальянский футуризм — русский кубофутуризм. СПб.: Palace Edition, 2021. С. 25–31.

8. Селезнев Л.А. Маяковский и итальянские футуристы: Неизвестное интервью поэта / пер. Джованни Спендель; публ. Л.А. Селезнева и Дж. Спендель // Творчество В.В. Маяковского в начале XXI века: новые задачи и пути исследования / отв. ред. А.М. Ушаков. М.: ИМЛИ РАН, 2008. Вып. 1. С. 584–600.

9. Терехина В.Н., Зименков А.П. Мексиканская записная книжка Владимира Маяковского: факты и гипотезы // Литература двух Америк. 2022. № 12. С. 236–260. <https://doi.org/10.22455/2541-7894-2022-12-236-260>

10. Троцкий Л.Д. Литература и революция. М.: Политиздат, 1991. 400 с.

11. Футуризм — радикальная революция: Италия — Россия. [выставка произведений] К 100-летию художественного движения / Futurismo — rivoluzione radicale: Italia — Russia. Centenario del movimento artistico / [пер. с ит.: Валерий Сировский, Анна Ямпольская; авт. ст.: Беатриче Аванци и др.]. М.: Красная площадь, 2008. 304 с.

12. Янгфельдт Б. Ставка — жизнь. Маяковский и его круг. М.: КоЛибри, 2006. 640 с.

Hidden Dialogue Between Mayakovsky and Marinetti

© 2025. Vera N. Terekhina

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Acknowledgements: The work was carried out at IWL RAS with the financial support of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, project “Russian and European Classics in the 21st Century: Preparation of Digital Scientific Annotated Editions” (agreement no. 075-15-2024-549, dated April 23, 2024).

Abstract: The article is devoted to the contacts and mutual evaluations of the leaders of Russian and Italian Futurism, Mayakovsky and Marinetti. If the early period (the so-called historical avant-garde) is deeply studied, then the relations between the two Futurists in the 1920s are not sufficiently documented. Two important documents stand out: a long interview given by Mayakovsky to Enrico Cavacchioli, a special correspondent of the Roman newspaper *Messaggero* in Moscow (March 1924), which became known in Russian translation only in 2008, and “Letter from an Unidentified Person to Marinetti with an Inquiry on the Political and Literary Positions of the Italian Futurists,” for the first time published in our translation from French. This archival document was attributed and printed in the original (1979) by Professor C. De Michelis as a list of Mayakovsky’s questions to Marinetti, prepared for their meeting in Paris in June 1925. However, the content of their conversation remained unknown, announced in October 1925. The archival document published by us allows us to reconstruct the course of the conversation and the nature of the creative dialogue between Mayakovsky and Marinetti. The article provides evidence of the authenticity of Mayakovsky’s questions and their connection to his “Letter on Futurism,” addressed to L.D. Trotsky on September 1, 1922, and a similar letter of the Italian Marxist Antonio Gramsci dated September 8, 1922 (included in Trotsky’s book *Literature and Revolution*, 1923). The article shows the role of political circumstances in the interpretation of socio-cultural and biographical aspects of this topic.

Keywords: Mayakovsky, Marinetti, futurism, Cavacchioli, Aseev, Gramsci, Trotsky.

Information about the author: Vera N. Terekhina, DSc in Philology, Director of Research, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8708-9914>

E-mail: veter_47@mail.ru

For citation: Terekhina, V.N. “Hidden Dialogue Between Mayakovsky and Marinetti.” *Literaturnyi fakt*, no. 3 (37), 2025, pp. 75–92. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-37-75-92>

References

1. Bobrinskaia, E. *Futurizm [Futurism]*. Moscow, Galart Publ., 1999. 192 p. (In Russ.)
2. Krusanov, A.V. *Russkii avangard 1907–1932: Istoricheskii obzor: v 3 t. [Russian Avant-garde of 1907–1932: Historical Essays: in 3 vols.]*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2003. 815 p. (In Russ.)
3. Lazareva, E.A. *Sud'ba futurizma v Italii i Rossii vo 2-i polovine 1910 – 1930-e gody [The Fate of Futurism in Italy and Russia in the 2nd Half of the 1910s – 1930s: PhD Thesis, Summary]*. Moscow, 2019. 36 p. (In Russ.)
4. Markov, V.F. *Istoriia russkogo futurizma [The History of Russian Futurism]*. St. Petersburg, Aleteiia Publ., 2000. 414 p. (In Russ.)
5. Maiakovskii, V.V. *Polnoe sobranie sochinenii: v 13 t. [Complete Works: in 13 vols.]*. Moscow, Goslitizdat Publ., 1955–1961. (In Russ.)
6. Pogorel'skaia, E.I. “Vchera videlsia s Marinetti...” [“Yesterday I Saw Marinetti...”]. *Nashe nasledie*, no. 114, 2015, pp. 82–85. (In Russ.)
7. Salaris, K. “Ital'ianskii futurizm — russkii avangard” [“Italian Futurism — Russian Avant-Garde”]. *Ital'ianskii futurizm — russkii kubofuturizm [Italian Futurism — Russian Cubo-Futurism]*. St. Petersburg, Palace Edition, 2021, pp. 25–31. (In Russ.)
8. Seleznev, L.A. “Maiakovskii i ital'ianskie futuristy: Neizvestnoe interv'iu poeta” [“Mayakovsky and Italian Futurists: Unknown Interview of the Poet”], trans. by Dzhovanny Spindel', publ. by L.A. Seleznev and Dzh. Spindel'. Ushakov, A.M., editor. *Tvorchestvo V.V. Maiakovskogo v nachale XXI veka: novye zadachi i puti issledovaniia [The Work of V.V. Mayakovsky at the Beginning of the 21st Century: New Tasks and Research Paths]*. Moscow, IWL RAS Publ., 2008, pp. 584–600. (In Russ.)
9. Terekhina, V.N., and A.P. Zimenkov. “Meksikanskaia zapisnaia knizhka Vladimira Maiakovskogo: fakty i gipotezy” [“Vladimir Mayakovsky's Mexican Notebook: Facts and Hypotheses”]. *Literatura dvukh Amerik*, no. 12, 2022, pp. 236–260. <https://doi.org/10.22455/2541-7894-2022-12-236-260> (In Russ.)
10. Trotskii, L.D. *Literatura i revoliutsiia [Literature and Revolution]*. Moscow, Politizdat Publ., 1991. 400 p. (In Russ.)
11. *Futurizm — radikal'naia revoliutsiia: Italiia — Rossiia. [vystavka proizvedenii] K 100-letiiu khudozhestvennogo dvizheniia / Futurismo — rivoluzione radicale: Italia Russia. Centenario del movimento artistico [Futurizm — Radical Revolution: Italy — Russia. [The Exhibition of Works] For the 100th Anniversary of the Artistic Movement]*, trans. from Italian by Valerii Sirovskii and Anna Iampol'skaia, article by Beatriche Avantsi et al. Moscow, Krasnaia ploshchad' Publ., 2008. 304 p. (In Russ.)
12. Iangfel'dt, B. *Stavka — zhizn'. Vladimir Maiakovsky i ego krug [I Bet my Life. Mayakovsky and His Surroundings]*. Moscow, KoLibri Publ., 2006. 640 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 03.09.2024
Одобрена после рецензирования: 11.11.2024
Дата публикации: 25.09.2025

The article was submitted: 03.09.2024
Approved after reviewing: 11.11.2024
Date of publication: 25.09.2025